

Юрий НИКИТИН – Лев ЛЕНЧИК

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

К выходу книги «Жить мы будем бедно, но счастливо»

Публикация, подготовка текста, вступление О.В. Никитиной

Настоящим литературным открытием стали письма, обнаруженные в архиве моего супруга, писателя Юрия Никитина, после его кончины 8 августа 2021 года. Они же составили основу книги «Жить мы будем бедно, но счастливо», дополнены моими комментариями и воспоминаниями. Книга выходит в свет в годовщину его памяти, в августе нынешнего года в издательстве КИЦ «Саратовтелефильм» – «Добродея». В настоящей публикации представлены фрагменты переписки со Львом Ленчиком.

Вспомним, что Юрия Никитина открыл журнал «Новый мир» (1978, №5), единственный, где решились опубликовать совсем не героическую повесть о военном лётчике «Голубой карантин». К началу его творческого пути относятся рассказы и повести «Время возвращений», «Событие», написанные в реалистических традициях. Но далее в своих творческих и философских исканиях он стремится к освобождению от идеологических, национальных, религиозных догм и стереотипов, сковывающих свободу мышления художника. В самые трудные перестроечные годы – 1990–2005-й – выходят роман «И бог и подданный», где впервые появляются главы об Иисусе Христе, оправдывающие предательство Иуды, сатирически задиристая, обличающая невежество книга «Автопортрет провинциального сочинителя», затем – идеологически провокационное в то время издание трёх авторов и однокурсников с филфака СГУ (немца, американца и русского) «Кукушкино гнездо». А далее – две книги, номинированные на премию Русского Букера: весёлая, с большим чувством юмора, об охоте российских царей, вождей и президентов «Царские забавы» и главная для писателя – остро авантюрный литературный детектив, как его окрестили критики, «Санкт-Сарытау». Вот как в то время оценил это произведение рецензент доктор филологических наук А.А. Демченко: «Не прибегая ни к злой иронии, ни к грубой сатире, автор как бы самому читателю представляет возможность оценить и ксенофобию, и антисемитизм, и религиозную нетерпимость. В русской литературе, такого романа, пожалуй, не было. Тема национальных отношений – острая тема, в наши дни она особенно актуальная, и нужны не только смелость, рискованность, чувство такта, чтобы браться за нее, но, главное, нужны знания».

Свободе мышления, раскованности, объемности мировоззрения Юрий Никитин учился у писателей-«серапионов», о творчестве которых писал диссертацию (ее «зарубили» как несоответствующую идеям соцреализма) и у русских философов, ставших доступными, когда уже университет был давно закончен. Большое влияние на него оказал друг, однокурсник и писатель Лев Ленчик, свободомыслие которого тоже не позволило защитить диссертацию (о поэзии Серебряного века), и волею судеб он оказался по другую сторону земного шара. «Ты мне дал больше, чем филфак», – написал ему Никитин, когда рухнувший «железный занавес» позволил им, спустя четверть века, встретиться и почувствовать духовную близость. Эти письма – не замочная скважина в чужую личную жизнь, а искусство почти утраченного эпистолярного жанра, где открываются иные глубины, иные откровения, заставляющие на многое взглянуть другими глазами. Переписка двух разных художников с достоверностью и документальностью отражает

время и реальные события в нашей стране, свободу и честность писательского труда с позиций изнутри и снаружи на сломе эпох – в 90-е годы прошлого века.

В целом книга «Жить мы будем бедно, но счастливо» – о любви, о творческом и жизненном кредо писателя Юрия Никитина, которое он выразил в одном из писем: «Люблю любить и не люблю ненавидеть».

28 февраля 1990 г. (Ленчик – Никитину)

Дорогой Юрка! Юрий Михайлович! Юра Никитин!

Спасибочко тебе за письмо, и за книгу, и вообще – за то, что вот помнишь, написал, подал голос. Читали – сюсюкали. Тоска. И чего это мы с тобой ни разу не повстречались, ни писем – ничего? Хотя в студенчестве вроде бы общались довольно неплохо. Ну вот так размело, разнесло нас по разным сторонам-сторонушкам... за тридцать земель, за тридцать времен. Только Валина поездка, а теперь вот и Глебыча приезд вернули мне вас снова, да и то не иначе, как с того света. Но зато и радость встречи по-настоящему щемит, сентименталит. Или просто старость: чуть что – и глаза плывут.

Твои гранки о том, как ты не стал профессором (*из книги «Автопортрет провинциального сочинителя» – О.Н.*), вот с этими плывучими глазами и читал. Все так живо обступило, нахлынуло. Ну и, конечно, твоя бедолажная, бескорыстная судьбинка. Читая, испытывал какую-то режущую близость к тебе, и зависть, и тоску, и досаду.... Все же не были мы близки. Ты больше балагурил, анекдоты травил, хоронился как-то. Ну, а после диплома? Что же – бывший летчик, хочет стать писателем. Мало ли их? ... А оно видишь, как обернулось. И мысль твоя довольно болевая, и душа – чистейшая, «как слеза младенца».

Что касается литературных достоинств, то эта, столь дорогая мне вещь, показалась слабоватой, несколько наивной, м.б., запоздалой. Не знаю, но выход к свободной раскованной речи, фривольной и иронической, который угадывается в замысле и очень явственно заявлен в ритме, на деле звучит немного натужно, вымученно, где-то не хватает лексической свежести, по-настоящему интеллигентного шарма, того чуть-чуть, что, к сожалению, всех нас отделяет от гроссмейстерского балла. В жанре таких записок он особенно необходим, иначе принижается герой (автор), который уже не олимпиец, не полновластный хозяин и повелитель речевых стихий, а так, бедный и честный трудяга-подмастерье. Жалко его, но, что поделаешь, на профессора он все же не тянет... В этом случае нечего себя публично хлестать, потому что твоя шкала человечности, твой полюс души на таком витке, который, на самом деле, не снился окружавшим тебя «знаменитостям»...

Ты уж прости меня за эту непрошенную свирепость, но ты – писатель. Не член Союза (хотя и это, к несчастью нашему, мера!), а писатель.

Уткнувшись в «Событие» (*повесть публиковалась в журнале «Волга» в 1982 г. и в книге «Красных дней утеха» в 1983 г. – О.Н.*), я плясал, орал, радовался. Ну и Юрка, ну и молодчина! Сочно, прочно, плотно! Настоящая густая плоть жизни. Масса замечательных деталей, свобода, точность, живая, неподдельная органичность. Тут ты покоряюще прекрасен... И диалоги богатые, и бытовые сценки, и характеры, лица – все, все. Никаких потуг. Конечно, хотелось бы на этом поставить точку и ничем дегтевым эти эмоции не разбавлять, но натура сволочная – ты это знаешь! – так что не удержусь и каплю-другую плесну... Я о стандартности риторики двух интеллигентов-бюрократов... Залапано и высочайше дозволено к обращению в народных массах. Дань родной литературоньке. ...Шибко шуметь не хочу. Все-таки это еще догорбачевский 83-й год. А шумлю, потому что на 83% – это добротная проза. И её сделал ты, человек-два уха, которому всё теперь по плечу.

29 января 1991 г. (Ленчик – Никитину)

Дорогой Юра! ...Жизнь моя событиями небогата. А вот вчера выдалось провести день с Евтушенко и его молодой супругой. Встречал их в аэропорту, целый день возил – музей, русский книжный магазин, обед у друзей и вечер в частном доме, где он читал стихи и отрывки из новой прозы (типа воспоминаний).

Ну что сказать? Стихи его, по-моему, все хуже и хуже, а что касается личности, то, ясное дело, – крупная и, если говорить в целом, избегая нравственного пуританства, – добропорядочная. Во всяком случае, было интересно, хотя я, в основном, слушал и ни в какие споры не вступал. В нем заметна некоторая доля сожаления (может быть, не очень глубокого) о плохих стихах, идейных ляпах, в частности связанных с прославлением Кастро. «Да, да, все мы много ошибались, много ерунды понаписали, ну что ж меняемся, всё в движении. Вам когда-нибудь нравился Фидель?» Я опешил: «Я героев никогда не любил. Может быть, в них – все наши беды. Я думаю, чем быстрее Россия заменит их культом семьи, культом заботы о доме и куске хлеба, тем она быстрее встанет на ноги». – «Да, да... Несчастлива та страна, которая нуждается в героях. Кто сказал?» – «Не знаю». – «Брежнев».

Евтушенко был честным глашатаем одной идеологии, теперь также честно (я верю ему!) ударился в справедливость другой: «Религии всех стран соединяйтесь!» А если и это окажется ляпом? Снова можно будет поканючить: ошиблись, мол, все ошибаются? Однако его первые шаги были прекрасны и его значением в оттепельные 60-е годы (да и после) вряд ли можно пренебречь.

25 марта 1991 г. (Ленчик – Никитину)

Только что приехал с работы – и такая радость: письмо от тебя. Валюна уже успела рассказ прочитать («Как я встречал иностранного гостя» для книги «Автопортрет...» – **О.Н.**) – говорит, понравился. Её оценка для меня – закон, и потому решил сначала черкну пару слов, а уж потом читаю...

Ну что? Я, грешный, уже подумал было, что вот все артерии у вас снова перекрыты, и ждать больше нечего. А оно, видишь, как, не всё ещё потеряно. Ты даже в гости нас зовёшь! Всё это так неожиданно и прекрасно, что слов не найду. Господи, – молюсь трижды на день, – неужели реформа не победит? ...Ведь другой такой шанс придёт, видимо, не скоро. Вот так и живу от одного события (там, у вас) до другого.

...Дела мои с писаниной не очень хороши. Много времени и сил отнимает работа и сама по себе и потому, что в некоторых её аспектах я увлечён больше, чем хотелось бы (*компьютерные программы* – **О.Н.**). Такая гнусь в натуре – ничего не могу делать безучастно. Истории мне писать не интересно, а что-то свежее и необычное, чтобы было сдыхание, и кожа горела в каждой запятушке, – силёнок маловато. Это ощущение творческой недостаточности рождает дикий страх перед бумагой, такой же, как у плохого хирурга перед необходимостью резать.

Несмотря на такую смешную печаль, я всё ещё как-то ерепенюсь и на что-то надеюсь. Понятно, что очень бы хотелось выйти в России, поскольку считаю её своим домом и ничем другим, по сути, не живу. Все мои темы и бреды, и бессонницы там, с ней, с вами.

Однако надежды тут очень малы и, в значительной мере, фантастичны. Говорю так, потому что с ужасом наблюдаю, как мужает и с каждым днём всё больше свирепеет у вас контрреформа, а силы демократии, разрозненные и заражённые экстремизмом (в частности, национальным) хиреют на глазах. История, к сожалению, повторяется. Мы всегда ставили идею выше жизни и всегда горели нетерпением одним махом, немедленно переделать всё. От Горбачёва потребовали больше, чем он мог на этой ступени развития дать, чем мог дать исторический государственный разум вообще. Поставь на место коммуниста Горбачёва православного ортодокса Солженицына – и ты увидишь, что дело тут не только в цвете знамён. С этим не захотели считаться вечно юные и вечно

романтически бескомпромиссные демократики-горлохватайки. Однако оставим это, ибо краткость суждений чревата пережимами ...

Вчера письмо закончить не удалось. Валюна всё время звала меня к телевизору, т.к. шла передача о присуждении премии Оскара лучшим актёрам и фильмам года.

1 мая 1991 г. (Никитин – Ленчику)

Удивительно, братцы, мы начали жить! ...Мы с Ольгой тоже смотрели эту передачу о присуждении премии Оскара. Замечательно!

Лёвушка, грешным делом, и я было возвёл поклёп на душителей свободного общения и сильно опечалился... Ещё в январе послал вам свой «роман века», а он не доехал. Однако, февральское письмо с «Иностранном гостем» получили-таки. Слава Богу! Значит, кислород общения ещё не перекрыт. Нашей почте я доверять остерегаюсь: благо бы воровали шедевры и классику, они же и графоманию прикарманивают!..

... Твоё прочтение доставляет мне особое удовольствие. И дело не в том, согласен я с твоими оценками или нет, намерен исправляться по твоим рецептам или тоже нет, удовольствие моё от того, что требования твои высоки, что мнение твоё искренне, бесхитростно, что сам анализ твой помимо точности ещё и какой-то душевный. После моего обалдения от твоей статьи «Интеллигенция и пёс» я тебе верю абсолютно, литературный вкус твой приемлю с почтением, но исправиться не обещаю. Поблажек в работе над белым листом я себе не делаю, и, если встречаются промахи и даже провалы и неудачи, то это, может, от дефекта зрения, ума, образованности, наконец, от неполноты одарённости – против чего каждый пишущий совершенно бессилён, но никак не от халтурного подхода или излишней торопливости.

... Моё самолюбие не столь глупо, чтобы раздуться от величия, поэтому я избрал такой стиль письма – самоиронии. Ты усмотрел в этом манерность, а я вижу манеру, позицию, в ней и кокетничанье, и дуракаваляние, и притворство. Лёвушка, это издевательское озорство, которое не ставит меня в неловкое положение перед собратьями по перу. В «я» лирического героя моих рассказов много автобиографического, но разумел-то я обобщённый образ провинциального писателя, который во многом смешон. Да и наши столичные не лучше, хотя бы тот же Бондарев... с претензиями на национальное верховенство, на мудрость, запелёнутую, как кочерьяжка в кочане капусте. Я его слушал на всех последних съездах, его и его псалмопевцев. Из протеста всему этому я один рассказ посвятил «мужеству унтер-офицерской вдовы». (*«Расхристанные мысли» в «Автопортрете...» – О.Н.*). Кстати, нехороший ты человек, меня пинаешь, а сам пишешь о «творческой недостаточности» и «страхе перед бумагой». Лев, плюнь! Не надо придумывать ничего «свежего и необычного», всё это не от нас зависит... Всякое творчество от Бога. И сколько Он дал, на столько ты и напишешь. Я убежден, в кого Он вложил свою Божью искру, то не оставит без попечения, ибо Он водит нашим пером, а остальное всё человеческое. Поэтому с нетерпением жду от тебя «Дочь Отечества». Чем ни скорее ты вышлешь повесть, тем раньше она выйдет. «Трамвай» уже отдал машинистке перепечатывать. Об этой вещи я тебе писал как об оригинальной, производящей впечатление нервическое, болезненно-страстное, хотя по первому прочтению она мне показалась излишне сделанной, излишне усложненной. Стиль фразы и композиционная раздерганность... точно соответствуют нашему уродливому детству. Я так написать бы не смог, я написал по-другому в повести «Время возвращений», но по духу обе повести очень близки....

Между прочим, я сейчас вынашиваю ещё одну колоссальную идею... сделать книгу трёх авторов: Лев Ленчик «Трамвай мой – поле» (США), Вячеслав Сорокин «...» (ФРГ), Юрий Никитин «Время возвращений (Россия)». Три повести, три взгляда, три манеры письма. Помните вы Сорокина? Недавно я узнал, что он вроде бы тоже писательствует, публикуется то ли в «Гранях», то ли в «Посеве». Он учительствовал где-то в Сибири, при поездке в Финляндию попросил политического убежища, осел в ФРГ,

сотрудничал с НТС... А ведь это страшно интересно выпустить книгу трёх бывших студентов СГУ, окончивших его в один 1964-й год, которых судьба разметала по шарикам! Такая одиозная публикация может наделать много шума. Не для славы (слава – пшик!), а для рекламы... Даёшь добро моей идее?

...«Волга» сдала в набор твои стихи... Это первая подборка, потом дадут ещё. Главный, Сергей Боровиков, а он брюзга и скептик, сказал, что стихи привели его в восторженное чувство. Я рад за тебя.

Август 1991 год (Никитин – Ленчику)

Левушка, дорогой, как мне тебя жалко, ибо, подозреваю, после того, что произошло в нашей ералашной стране, ты просто не мог не спиться. Уж коли ты не мог удержаться от надира, узнав об отмене парткомов, то непременно должен был запить горькую, сокрушенный известием о комфашистском путче. Как затем было не перейти от запоя грустного в запой радостный после ареста заговорщиков и закрытия компартии!?

Теперь уж можно шутить, а три дня назад я сделался ужасно зол, услышав пресс-конференцию Янаева, поехал в писательскую организацию и брякнул на стол свой партийный билет, сказав: ... я с дураками ничего общего желать не имею. В конторе меня стали уговаривать, чтобы я подождал, чтобы подумал о детях, т.к. теперь должны начаться аресты и расстрелы. Но во мне все так клокотало, что я не мог больше слова вымолвить. ... Выйдя из партии, я почувствовал себя так, словно избавился от килы, не столько болезненной и мучительной, сколько некрасивой и стыдной. Впрочем, ярые партийцы всегда считали меня диссидентом, разумея под правдой говорения крамольное инакомыслие. Это, знаешь, как у Бабея: «папаша Крик, старый биндюжник, слывший между биндюжниками грубияном».

В нашем каком-то даже театральном перевороте мне видится Божественное Провидение, ибо Глиняный Колосс этот разваливался бы еще долго, долго смердел, долго агонизировал и пугал, и никто кроме самых узколобых старпёров не смог бы свалить его быстрее и смешнее.

За неделю до переворота ко мне приезжал эмиссаром от «Единения» – это при Союзе писателей ответвление общества «Память» – один московский знакомец и уговаривал написать заявление от меня, Ольги, как члена Союза журналистов, и Мишки о вступлении в это самое общество. Принёс и кучу агитлитературы. Но писатель он никудышный, хотя человек неплохой, с характером мягким, услужливым, даже несколько лакейским. Видимо, он уже кое-что знал о готовящемся перевороте, говорил о необходимости спасения России, о том, что они скоро возьмут власть, прельщая тем, что меня знают и любят и Юрий Бондарев, и Шундик, и Валентин Сорокин, а они сразу начнут издавать мои книги в столице. Я же отговорился тем, что не желаю петь ни в каком хоре, ни под какую музыку, ни под чьим бы то ни было дирижёрством. Он на меня очень обиделся и, уезжая, даже не простился. Но как я могу водить компанию с людьми мне неприятными, о чём при встречах говорить с этими «заединщиками» и русопятами, когда, например, четверть века назад Валька Сорокин говорил моей Ольге: «Зачем ты выходишь замуж за этого жида?» Рана старая, но незаживающая. И потом, как можно сходить с теми, кто при мне станет оскорблять тех, кого я люблю и ценю? Переубедить их бессмысленно, значит, – фарисействовать? Избави Бог! Они не желают понять, что природа их революционного антисемитизма в их собственной малоодаренности, а отсюда и неполнота славы, которой они жаждут. Слава – это не уличная девка, которую легко затащить в подворотню, слава – благородная дама, которая сама выбирает себе избранника. А «заединщики» надеялись, что вооруженные путчисты сделают их народными гениями.

Переворот меня сильно расстроил. Я уж было решил: ну всё, теперь книге Льва хана – зарубят как пить дать. А за «Кукушкино гнездо» с рассказами Славки Сорокина – повесят.

...Посылаю вам две книжки – «Голубой карантин», где вы не читали только повести «Время возвращений», а это, по сути, мой «трамвай», и – вышедший за два дня до переворота «Автопортрет провинциального сочинителя». Твоя вёрстка в «Волге» тоже пришла на второй день путча. Как тут было не возрадоваться победе над ними. Ребята в журнале ведь тоже затосковали.

...Сижу, шлепаю на машинке и вдруг замечаю, что за окном на здании райкома партии красный флаг сменился на трехцветный! Ты вот не любишь сюжеты, а у нас тут сплошные сюжеты – что ни событие, то детектив.

Пиши, не ленись, твои письма наполняют мою душу приятностью, даже когда ты ругаешься.

2 ноября 1991 г. (Никитин – Ленчику)

Милый Лев!

Еще месяц назад я написал тебе письмо, которое назвал арифметическим, но не послал... Мне-то хотелось бы выглядеть в вашем представлении таким независимым, беспечным, преуспевающим писателем, а не обнажать при седых-то висках свою голоштанность. Голоштанность, конечно, относительную, ибо никогда в жизни я не был так богат, как в прошлом году. В свет вышли почти одновременно две книги! Третья – «Автопортрет...» – должна была сделать меня советским Крезом. Естественно, я начал тютюшкаться с мечтой о поездке в Америку, о встрече с тобой и Валею..., забыв мною же изобретенное золотое правило: не открывай широко рта, пока не знаешь, что тебе в него положат. Инфляция превратила мои мечты в мыльный пузырь.

При всей моей ненависти к цифири я все-таки вынужден теперь ею заниматься, чтоб не оказаться на мели. До повышения цен и инфляции мне повезло купить машину (продали старый «Москвич», купили «Жигули» шестерку), цветной телевизор, морозильник... Сейчас «жигуленок» стоит уже не 9, а 17 тысяч по госцене, на базаре же – все 50 тыс. В магазинах у нас ни черта нет, а на базаре цены зверские... По карточкам, а значит, по низкой цене, каждому выдают на месяц: 250 граммов бутербродного масла, одну курицу, 10 яиц, 5 пачек сигарет и одну бутылку водки. Что для моих троглодитов курица на месяц, когда они слопывают ее за один присест! Не только по страсти и забаве я сейчас с нетерпением жду 15-го ноября, когда откроется охота на лосей и кабанов, а из чисто житейской необходимости.

Все это унылое счетоводство я привожу для того, чтобы объяснить невозможность моей поездки в Штаты. В прежних письмах я всякий раз увиливал от ответа на приглашение приехать к вам в гости, понимая, что мое отмалчивание выглядит неприлично... Самое честное и не обидное ни для чьего самолюбия, если ты с Валею приедешь в Россию и Саратов. Тем более, что об этом уже прошёл слух. Недавно встретился с Ксенией Ефимовной Павловской, и она меня удивила: «говорят, скоро Лёва Ленчик приедет в Саратов». Лёвушка, крокодил ты такой-сякой, все говорят о тебе так хорошо, что аж завидно. Павловская вспомнила, что возила твою пьесу Акимову, он лестно отозвался о талантливом авторе, но дальше, как водится, пьеса не пошла.

Книжный бум у нас резко спал, и моя книжка раскупается плохо... Залёживаются даже детективы и эротика. Сейчас ведь каждый покупатель в затылке почешет, прежде чем решить, что ему важнее – книжка или килограмм картошки.

...Всё, братцы. Не огорчайтесь моими арифметическими выкладками. Я на нынешнее время не сержусь и даже не сетую... Все равно, уверен, мы когда-нибудь встретимся и потремся сердцами. Пока это легче, наверное, сделать вам, а я приложу к тому всяческие старания.

12 ноября 1991 г. (Ленчик – Никитину)

Юра, все время думаю о тебе, болтаю с тобой, то и дело приглашаю тебя на долгосрочную побывку к нам (на харчи, покой и писанину), а вот присесть и написать тебе обо всем как-то не идет.

1. Вчера по дороге на работу, купив, как обычно газету, с ужасом подумал: боюсь и стыжусь узнавать, как там у вас все из рук вон плохо и что ни день все хуже и хуже – и по всем швам. Этот большой животный национализм, который вдруг во всех проснулся. Опустевшая казна, мафиози. Саботаж местных перекусившихся князьков. Полная растерянность в верхах. Господи, что же это такое? Неужели нам так и не суждено докарабкаться до нормального человечества? Юрка, Юрка, дружище, скажи, что я паникую, что все не так страшно, что все обойдется, что это просто «голубой карантин», скарлатина, детская болезнь, нормальная реакция раба, сорвавшегося с цепи. Но кажется, что и демократики-интеллектуальчики сейчас тоже в просрации. Где же мы? Кто же мы? Неужели прав Солженицын с его ненавистью к буржуазно-демократическим структурам? Неужели для нас либо царь (в любых формах), либо бездна. Просторы! Просторы! Неуправляемая необозримая вольница! Даже Бердяев сослался на них, признавая организующую силу коммунистов.

2. Твое поведение во время попытки переворота прошибло до слез. Так я все это себе представил живо, всей кожей почувствовал, и можешь не сомневаться, что был бы с тобой. Я тоже, когда посмотрел на их рожи, решил, что дела у них швах. Сказал Валюне: не драмой заканчивается кровавая история, а фарсом.

3. Была у нас Ахмадулина, был обед и была водка. Все было, как в стихе, прослушав который, она сделала попытку заплакать, но не смогла. Не было слез. Потом мы были еще в ресторане. Потом еще на другой день – полдня. Ну что сказать? Сказать, что она столь же чиста, сколь гениальна? Банально. Думаю, что среди их поколения, только ей и Окуджаве удалось выжить – в смысле высоты дарований, и в смысле чистоты помыслов, да и самой жизни. Одна беда – пьёт она по-черному... и вряд ли кому-либо удастся ее спасти. Так что ни о чем серьезном я с ней в общем-то и не говорил. Целовались всякий раз, встречаясь и прощаясь, но она со всеми целуется. Эти полтора дня с ней оставили много тоски, умиления, бешенства, бессонницы и зубовного скрежета... В отличие от Евтушенки, который весь на пьедестале, она – живое воплощение земли, беззащитности и боли, ничего из высоколбия и высокословия, хотя подчас – с невыносимой гримасой.

4. Идея выйти с тобой и Сорокиным в одной книжке мне по душе... Самое главное кому это всё сейчас в России нужно? Ты вот прислал мне гранки из «Волги», пишешь, что-то об оплате, а я – в совершенном недоумении кто это всё будет покупать?...

5. Очень жаль, что не прошла статья о «Собачьем сердце». Она мне основательно дорога, поскольку в ней, как в «Трамвае», довольно серьезный вызов нашей культурно идейной традиции, из-за которой, по моим понятиям, так не сладко всю дорогу и стране, и людям.

6. Парижский тираж «Трамвая» уже на рынке, уже есть неплохой отклик в печати, но как идет продажа – не знаю. Моя Кэтрин-переводчица, чудная молодая француженка с очень изящным русским матом, домогается новой вещицы, а у меня ничего не пишется и не складывается. Застрял где-то на полдороге на новом «крике» – и ни вперед, ни назад. Много других задумок (поспокойнее тоном), но бросать это тоже жаль. Кроме того, работа заедает, то и дело увлекаюсь... Одним словом, горе-писатель. Не писатель, а страдатель...

7. Кто иллюстрировал «Автопортрет»? Видимо, он чертовски талантлив, но полностью восхититься мешают мне явные следы Босха, может, где-то Брейгеля, причем не их самих, а их подражателей. И вся книга очень выигрывает, особенно обложка. Бумага, правда, дрянь.

8. ...Понимаю, что быть тебе в самом пекле событий сподручнее и полезней, но... (большое НО) «большое видится на расстоянии». Приезжай к нам. На сколько-нибудь. На

пару месяцев, год, полгода. Поживи у нас, попиши, посравнивай. Обещаю все необходимые условия, покой, свободу и беззаботность.

9. Мы с Валюной – дед и баба. 1 октября у Витальки родился сын.

Не знаю, всё ли перечислил, что хотел... Обнимаем вас и целуем. Как всегда, на прощание, как обычно – стишки...

Январь 1992 года (Никитин – Ленчику)

Лёвушка! ... по поводу несостоявшейся публикации твоей превосходной статьи и отдельной книги. Прости меня, невольного болтуна, ведь это не я обещал, это мне обещали. Никого из ребят я за язык не тянул, за горло не брал, ... я слишком торопился тебя обрадовать. Ребят можно понять: журнал приносит 100 тысяч убытка в месяц, ибо стоимость бумаги подскочила до 20 тысяч за тонну, чтобы окончательно не прогореть, они стали выпускать не 12 номеров в год, а только 6. На сэкономленной бумаге печатают коммерческие книги... и радуются, что ещё полгода журнал будет жить.

Вообще свистопляска у нас идет бешеная. Зато интересно! Ситуации и смешные, и грустные. Днями в Саратов прилетал на собственном самолете новорожденный миллионер, и его встречали так, как раньше встречали членов Политбюро. Это – с одной стороны. С другой – появилась масса нищих. Есть нищие весёлые – с гармошками и шапками, и есть совсем несчастные – с такими отрешёнными лицами, будто они перестали жить. Остальные торгуют, кто и чем попало. Сейчас Россия – это сплошной азиатский страна-базар... Не знаю, помнит ли Валя послевоенную разруху, магазинные очереди, базарную толчею, но ты-то, старый Лев, легко представишь себе российский быт. Только калек меньше, чем в нашем детстве, да ворьё организованней.

Лёвушка, ты как-то писал мне, что из Америки я лучше увижу Россию, увижу ее каким-то новым взглядом. Может быть, ты прав. Однако ощущать всю колоссальную ломку на собственной шкуре и интересно, и сладко, и страшно – настолько всё захватывает. Это знаете ли, братцы, как прыжок с самолета: летишь, душа замерла, в ушах ветер свистит, навстречу несётся земная твердь, но настоящего страха нет, нет потому, что никто тебя не толкал под зад коленкой, ты сам хотел этого прыжка, мечтал о нем.

Письмо моё получается сумбурным, так давно я не писал вам и так много накопилось для разговора. ...

В этом году мы к вам приехать не сможем. Это точно. Дело в том, что мне предложили поработать на петербургскую фирму «Русское видео», я дал добро и теперь являюсь представителем этой фирмы в Поволжье по арт-бизнесу. Мы ездим по городам и покупаем картины у художников для выставок-аукционов, которые будут проводиться во Франции и Швейцарии. Заработок – это само собой, но для меня это еще и знакомство с новым миром. Видели бы вы, братцы мои милые, в каких дичайших условиях, в каких трущобах создается живопись! Пусть это не шедевры мирового искусства, но это великие страстотерпцы, униженные и оскорбленные, с восхитительным самоотречением творящие свои полотна в никуда и никому. Прежней власти было на них наплевать, нынешняя слишком голоштанна, чтобы помочь, а мужики бедствуют. В Европе, говорят, сейчас мода на русский реализм, и мы с экспертом натыкаемся в полуподвальных мастерских на целые свалки прекрасных пейзажей, натюрмортов, портретов. У многих картин нет хозяев, которые померли, так и не увидев, как чей-то глаз радуется их краскам. То, что позволяло им ощущать себя художниками, не приносило ни копейки, зато в скопческом агитпропе они кормились на халтурных пейзажах великих строек и портретах бонз. А сколько любопытнейших характеров приходится наблюдать, когда опешившему художнику предлагают назвать сумму, в какую он оценивает свои работы. Случаются и забавные сценки, так бы хотелось организовать их в каком-то сюжете, вот тут и приходит понимание, что жизнь прекрасна, но слишком коротка, чёрт побери! Круговерть. А в ней одни впечатления подавляют другие.

Весь завалившийся тираж моего «Автопортрета» кооператоры продали в Новосибирск на книжной выставке в Инте... Пока ни издатели, ни фирма не торопятся со мной расплачиваться...

Не думайте, что в базарной суете я забросил перо «великого провинциального сочинителя». Я пашу. Должно быть в прежних письмах я хвастливо проговаривался, что сел высиживать очередной «роман века» об апостоле Павле. Он требует слишком много ума и философии, и я его отложил до лучших времён. Вместо него соблазнился идеей сделать книжку под интригующим названием «Мужские забавы». Вы, небось, тотчас решили: ну, Никитин-паразит, надумал откровенничать о своих бабских похождениях, так? Нету, братцы, хоть я и дважды женатый, а бабник из меня никудышный. Мне вдруг ужасно захотелось в духе «Иностранного гостя» рассказать о том, как охотились цари, как охотились большевистские вожди и как охотимся мы – рядовой люд. Страниц пятьдесят уже накатал. Книжку задумал проиллюстрировать фотографиями Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева, Андропова, Ельцина на охоте... Когда во мне бурлит какая-то идея, замысел, работа, я не могу по-тихому переживать этот бурлѐж (порок природы), мне не терпится поделиться своим радостным ощущением...

Что касается «Кукушкина гнезда», то любой начитанный человек легко уловит близость этого названия с романом Кена Кизи, хотя он у нас публиковался под названием «Полѐт над гнездом кукушки». Рисунок для обложки я придумал такой: наш 4-й университетский корпус – фотография, но вместо крыши свито гнездо из книг, на корешках которых написано – «Маркс и Энгельс об искусстве», «Ленин о литературе», «Сталин о языкознании», «Партийная организация и партийная литература», а в гнезде три яйца в цветах флагов – американского, немецкого и российского... Книжку оформляет ... Володя Чернов, тот, что делал мой «Автопортрет». Авось, хоть это издание не сорвѣтся.

Январь 1992 г. (Никитин – Ленчику)

...Утром бегу за стол с невероятной жаждой и даже страстью писать, писать, писать, искренне проклиная себя за бездарное транжирство времени, за лень, за тупость, за барство, за трусость, за сладкоежество, за... за... все, что мешает работать. Истинному таланту никогда и ничто не мешает – он фонтанирует при любых обстоятельствах. Я же раздражаюсь по малейшему поводу. Вот и сейчас перо валится из рук: бардак в стране сеет бардак в доме, в голове, в душе, сопровождая все это каким-то нервическим бешенством.

Вчера вечером начал писать тебе письмо, но не закончил, а утром встал в 6 утра и к открытию магазина пошел за хлебом – пришел вроде пораньше, но оказался в очереди 253-им! И почти три часа угробил. Благо еще, не было мороза. Стоял, и такая начала жечь злора, что впору завывать, впору кинуться кусаться. Только кого кусать? Таких же бедолаг? Ведь злость моя неконкретна, она лишь реакция на беспросветность.

... Сам Господь Бог ставит лабораторный эксперимент в нашем Отечестве через избранных политиков – такова уже, видать, вечная российская планида. Политики толкаются локтями у входа в учебник истории. От газетного брѣха тошнит. Наглость торгашей безумна, ибо своими ценами они толкают народ на сокрушение всего и вся. Боюсь, что «шоковая терапия» кончится бунтом подопытных кроликов, и наши травоядные напьются-таки крови политических доктринеров. В накаленных очередях раздаются голоса: вот расстрелять бы человек 20! Это пройденный урок. Сначала – 20, потом 200, а там за понюшку потекут миллионы.

И чувствуется в нынешнем состоянии предхакакири какое-то садистски-эстетическое наслаждение – Российское телевидение начинает свою новостную программу «Вести» такой заставкой: несѣтся Гоголевская Русь-тройка, тащит за собой колесо истории, отчаянно ржут кони, вожжи болтаются по ветру – и мчится тройка по кругу. Ни Селифанов, ни Чичиковых – сама по себе. Забавное озорство, но страшное.

Сочинительство требует душевного спокойствия, а его нет...

4 сентября 1993 г. (Никитин – Ленчику)

...Тираж «Гнезда» снизили до пяти тысяч, поэтому себестоимость вылезла на три миллиона. Чтобы оправдать затраты, не получив никакой прибыли, цена одного экземпляра должна быть 600 рублей. А станут ли ее покупать по такой бешеной цене? С издателей сейчас дерут семь шкур за бумагу, потом типографские расходы да плюс зверские налоги... В прошлом году наш гонорар кое-что ещё весил, а сейчас это нет ничто. Говорить о повышении ставки за печатный лист мне как-то неловко, зная, что книга убыточная.

Лёвушка, милый, наивный, безграмотный по российским меркам человек, ты позабавил меня своим приглашением в Штаты. Наглядности для я переведу тебе твой восемнадцатитысячный гонорар на его покупательскую способность. Ты можешь купить 1800 коробков спичек, или 18 пачек сигарет «Мальборо» или «Кэмел», или 130 белых батончиков, или три раза заправить бензобак автомобиля. Какая Америка, Лёвушка? На свой «Кукушкин» гонорар я смогу доехать до Москвы, а на обратную дорогу на билет уже не хватает. Это при большевиках я мог бы скатать к тебе в гости на эти деньги, но они не пускали, а демократы пускают, но ехать не на что. Вот так-то.

У нас сейчас идет естественный отбор среди умеющих зарабатывать любыми путями и не умеющих этого делать. Тут я принадлежу к категории абсолютных бездарей. Мои попытки примазаться к бизнесу окончились полным крахом, и мне ничего не остается как молиться на родную жену, которая сказала: «Ты умеешь писать, вот сиди, пиши и не трепыхайся. Проживём на мою зарплату».

Обидно, конечно, слушать такие слова, но понимание жены выше всяких обид. Честно говоря, геройская у меня подруга жизни: вышла замуж за дворника с литературными претензиями, а серебряную свадьбу справляет с безработным писателем.

(Бизнес по скупке-продаже картин оказался неудачным: ни разу за два или три месяца не было зарплаты, правда, вместо этого предложили картину. Натюрморт с синими полевыми цветами остался напоминанием о тех временах. Подобный «бартер» был в порядке вещей – людям платили тостерами, массажёрами, игрушками, футболками – тем, что производила фирма. Товар продавали или обменивали, если получалось. – О.Н.)

Но не подумай, дорогой мой дружище, что я просто захребетник. В семейный бюджет я вношу свою лепту натурой... Недавно Виктор Астафьев сказал, в каком-то интервью, когда ему за том в серии «Классика современности» заплатили 9 тысяч рублей (тебе, видишь, причитается в два раза больше, – можешь этим гордиться), так вот он сказал: «Когда писателям не платят гонорары, они берутся за ружьё». Вот и моя лепта состоит из охотничьих трофеев.

Из-за того, что нашему брату ни черта не платят, я свою книжку об охоте издавать раздумал. Одной больше, одной меньше – это меня уже не волнует. Опубликую отрывки в газете и хватит. Как бы застолблю тему.

Чем я удовлетворен в «Мужских забавах», так это не фактическим материалом об охотах царей и вождей, а найденной иронической интонацией. Всё правда, но рассказана как бы не всерьёз.

...Все наши политические теленовости смотрю раз в неделю и сыт по горло. Через неделю включишь – опять та же самая грызня: кто сколько украл, кто у кого брал взятки, кто коррупционер. Надоело. И это собачатся верховные власти, а те, кто ниже, чувствуют себя, как рыба в воде. И такое падение, по-моему, от безверия. Христиане верили в райскую загробную жизнь и воровать боялись, большевики верили в светлое коммунистическое будущее и тоже не хапали сверх меры, нынешнее же безверие развратило до чрезвычайности – всё можно, всё дозволено, и степень совести

определяется толщиной кошелька. Это замечание к тому нашему спору о «Свадьбе». Узкий круг высококонрастных интеллектуалов может отрицать необходимость веры, но большинству людей без веры никак нельзя. Силу составляют они, и им не обязательно штудировать Талмуд, Евангелия, Коран или «Капитал» Маркса, они должны знать одно – их учение «всесильно, потому что оно верно», и не ломать голову над всякими Бердяевами и Кьеркегорами. Всякое учение рассчитано на послушных, а не на думающих. Мне показалось, что именно в этом плане хромает твой «Свадебный» спор с братом...

11 октября 1993 г. (Никитин – Ленчику)

...Наверное, ты уже потнотюшкал в руках «Кукушкино гнездо»... Володя Масян в связи с нашей дикой инфляцией, переделал договор с нами и вместо 2 тысяч за лист (печатный) заплатит 10 тысяч. Много это или мало? Суди сам: зарплата директора атомной электростанции миллион, пособие по безработице 18 тысяч – вот такие социальные качели. Так что наш гонорар – это не много и не мало, это просто лучше, чем было.

Как только получу деньги, полгонорара грохну на разговор с тобой... Черт побери, хочу услышать твой русский голос с не переменным американским о,кей. Услышать ещё и потому, что ни одно письмо до меня пока так и не дошло.

Чиновники из ОВИРа поставили меня в дурацкое положение: на словах я вас вроде пригласил, а на деле – официального приглашения нет как нет... Четвертый месяц тянется эта идиотская резина.

А как я мечтал устроить телешоу по «Гнезду» – американец, немец и русский. Ведь такого в нашем отечестве ещё не было! Наши телевизионщики даже в план поставили эту передачу. Более того, ею заинтересовалась Москва и просила прислать на ЦТ. Всё коту под хвост!

Впрочем, не всё. Передача всё-таки состоится. Только отбиваться от критических нападков буду я один, без тебя и Славки. Втроем мы бы прекрасно отмахнулись, а так я буду представлять собой то ли боксёрскую грушу, то ли новичка на ринге, выступающего против чемпиона. Чемпионом будет Валера Прозоров, которого совсем недавно избрали действительным членом Академии наук России. После Скафтымова он в нашем Ретрограде второй полноценный академик. Моим секундантом будет Володя Масян, а рефери на ринге одна телеведущая дама. Как пройдет бой, сколько фингалов мне поставят за вас и сколько за меня самого – я вам потом напишу.

...У нашей книги две физиономии – литературно-художественная и политическая. По первой можно колотить сколько угодно, в зависимости от вкусовых пристрастий... Политическая же наша физиономия, особенно после второго путча, учиненного Рудским-Хасбулатовым, стала ещё более респектабельной, теперь ее не лупцевать, а целовать надо. Поживем – увидим.

И ещё, дорогой Лев, у меня вот такая новость – я тебя догнал! Я ушел на пенсию. ...Я прорывался в этот рай по-русски – через ж...! То есть через биржу труда по безработице. Семь месяцев я получал пособие, а когда мне кокнуло 58, то по закону биржа передала меня собесу. (В связи с зашкаливающей безработицей в стране принималось законодательное решение отправлять людей на пенсию на два года раньше принятого возрастного ценза. – **О.Н.**) Там тоже стали чесать в затылке: как этого великого русского писателя отправить на пенсию? Ведь он же, стервец, будет и деньги получать, и романы сочинять, а это несправедливо. Звонили в министерство, консультировались – что с таким типом делать? Министерские мудрецы приняли соломоново решение: а возьмите-ка вы с этого ушлого борзописца расписку, что в течение двух лет он не будет заниматься творческой работой! И я, разумеется, тут же на канцелярском собесовском столе набросал расписку, что де до исполнения 60 лет буду нем, как рыба, в переводе на уголовно-процессуальный язык я дал «подписку о невыезде» в печать.

Что бы в моем отечестве не происходило – война, мор, революция, путч... я обязан молчать. Но не спеши осуждать меня: моё молчание оценено в 1201200 рублей. По-моему, ни одному писателю в мире так не платили только за то, чтобы он не брал пера в руки. Лев, теперь твой друг самый дорогой писатель во все времена и народы и достоин быть занесённым в книгу рекордов Гиннеса. Ни один издатель не даст мне такого гонорара за «Царские забавы», а тут – миллион за молчание. Если же я где-нибудь что-нибудь вякну – статейку там, рассказ или, не дай Бог, целую книгу – моя песенка будет спета, и я буду изгнан из пенсионного рая.

Поскольку на святой Руси нельзя быть жуликом (новая книга-то у меня почти готова), я придумал себе псевдоним – Анна и Михаил Никитины! По принципу – Анн и Серж Голон с их сериалом Анжелик. Здорово? То есть «Царские забавы» сочинил не я, а мои дочь и сын. Сын журналист, дочь студентка экономического института – вместе они, может, даже гениальнее своего отца.

Ребята, поскольку учительских идей, как у Христа, Толстого и Достоевского, у меня нет, я просто радуюсь жизни и бумагу мараю ради того, чтобы этой радостью поделиться со своими читателями. Учитelьствовать бессмысленно, люди все равно живут так, как хотят, а не как им говорят великие умы. Поэтому – слава небу, солнцу, земле и жизни!

30 декабря 1993 г. (Ленчик – Никитину)

...Юра-дружище, вчера получил твоё письмо с номером «Саратова»... В целом газета несколько пустовата, но спасибочки, что прислал, дух и слог публикаций по душе мне и по вкусу. Все вместе (включая и другие попадающие ко мне издания) приятны тем главным для меня, что Россия – современная, европейски образованная и европейски думающая страна, и все ретивые потуги вновь уложить её в орду и изолированную самобытность никакой серьёзной опасности не представляют. Понравилась мне и заметка о нас.

12 февраля 1994 г. (Никитин – Ленчику)

Почему это ты, нехороший человек, решил, что я не приму «Свадьбу»? Из-за того, что я русский и мне будет непонятно читать о горьком чувстве еврея в России? Или я притворюсь, будто ни с чем подобным не знаком – ни с анекдотами, ни с пятой статьёй, ни с обиходным небрежением к еврейской нации?

...Мой выдающийся нос до сих пор не даёт покоя антисемитам... В детстве меня часто обзывали жидом, и я всегда дрался... Но я стал стар и мудр и уже не машу кулаками. У нас в писательской организации на юдофобской почве здорово бесятся две старые дуры: с профессоршей-физиогномисткой я просто «здрасте», другую – в упор не вижу... Они считали Солженицына евреем из-за отчества, а теперь поутихли... Пылкость рядовых антисемитов из писательской среды я объясняю единственным: незаметность своих сочинений легче всего мотивировать засилием евреев, а не собственной бездарностью.

Не могу не рассказать тебе ещё об одном потрясающем факте. Наш местный поэт Исай Тобольский (может быть, ты даже его помнишь?) во время арабо-израильской войны прославился двумя поэмами в «Огоньке», где в пух и прах громил Натана, убивающего несчастных арабов. Помнится, я что-то вякнул, сравнивая его поступок с Иудой, хотя один мой однополчанин, симпатичный парнишка Юрченко погиб в Египте во время воздушного боя, а другой, Юрка Бурлаков, получил там «Красную звезду», так что, в принципе-то, останься я в авиации, тоже мог бы принять участие в той заварушке. Какой-то доброхот на меня капнул, после чего состоялось четыре беседы с моим уже Хромополком (имя кагебешника, героя повести Ленчика «Свадьба» – **О.Н.**). Пришлось написать две тусклых объяснительных, а один разговор, по моим наблюдениям, был записан на плёнку. Беседы были не столько об Исае, сколько об Исаиче Александре

(*Солженицыне – О.Н.*), но о первом я сказал открыто: еврей не имеет морального права выступать и осуждать свой народ, в любом случае это нехорошо. Хромополк меня понял. Кстати, у меня с ним остались добрые отношения, ну а сейчас мы вообще приятели – дачи у нас рядом, вместе паримся в сауне у соседа и пьем водку. Более того, он теперь бизнесмен, и когда мне понадобились деньги на «Кукушкино гнездо», он отвалил 25 тысяч на 50 экземпляров для раздаривания. А ведь там не только мы с тобой, там Сорокин, на которого уголовное дело в КГБ толщиной с «Войну и мир».

Видишь, какие фортели выкидывает жизнь. Но я бы забыл об этом фортеле, если бы она не выкинула ещё более невероятный. Наш поэт-трибун читал перед публикой свои поэмы, смысл которых – «я – еврей и ты – еврей», но я правильный, а ты, Натан, нет, и для пущей славы говорил всюду, что сионисты завалили его письмами с угрозами и что он отдаёт их куда следует. Чем вся эта история закончилась? Никогда не придумаешь наказания более насмешливого и жестокого: у Исаия – человека весёлого, жизнерадостного, непоседливого, немного бабника и немного пьяницы, у этого горлана-главаря вдруг стал пропадать голос. Врачи обнаружили в горле опухоль, пришлось делать операцию и удалять голосовые связки. Он стал немым. Поэт, обречённый не слышать самого себя. На днях мы столкнулись с ним на улице:

– О-о! Исай Григорьевич, как жизнь?

Старик весело улыбался, губы его что-то говорили, но я слышал только легкий сип. Потом он безнадежно махнул рукой, и мы разошлись. Мне жалко его. Вот говори после этого – нет Бога! Ну что твоя, Лёвушка, весьма литературщицкая «тучка золотая на груди утёса-великана» рядом с немотой Исаия?

Лично мне мою позицию к еврейскому вопросу продиктовал мой нос – он моя гордость, хотя национально и не самобытен: в Германии со мной заговаривали по-немецки, на Кавказе обращались то ли на абхазском, то ли на грузинском, в Баку я тоже слыл за своего, а татары, когда я начинал говорить по-татарски, даже упрекали, что-де стыдно не признаваться, что я татарин. Вот только ни один еврей ни разу не признал во мне еврея. Я и детям своим подарил такие же гениальные носы и сказал: ребята, радуйтесь, у вас носы так носы, а каким-нибудь прыщом между глаз разве можно гордиться!? (*Подозреваю, что и меня он выбрал за мой, тоже выдающийся, нос с горбинкой! – О.Н.*)

...«Свадьба» твоя – неожиданна, тревожна, страдательна, обоюдоостра и обоюдоопасна, но – в общем – замечательна. Ничего подобного я представить себе не мог, когда начинал чтение.... Я-то думал, что ты или твой Нухим стоите на позициях банального атеизма, оказалось же, что твоё отрицание веры гораздо глубже и трагичнее, так как любая вера порождает между людьми звериные отношения.

Ты затронул самую, наверное, болезненную и самую неприкасаемую тему в литературе и раскрываешь ее на самой щекотливой что ли почве для разговора – чувстве русского еврея как изгоя, не преодолемого даже в неантисемитской Америке. Как всегда, я позавидовал твоей неординарной башке. Молодец, Лёвушка! Замысел изумительный. Честно признаться, подобная идея бродила и в моем сознании: эх, вот написать бы психологический детектив о русском с еврейским лицом, о человеке, которого окружающие принимают как бы за иностранного шпиона! – но идея казалась мне непосильной. (*Вот ещё когда появилась идея, из которой через 9 лет вырос роман «Санкт-Сарытау или похождения тайного еврея. Далее идёт обстоятельный анализ на нескольких страницах – характеры героев, сюжетные линии, язык и т.д., который можно опустить – О.Н.*)

Несмотря на всяческие мои придирки, ты – молодец! Роман состоялся. Слово «прекрасно» к нему не подходит, потому что никакая боль не может быть прекрасной. Сильная вещь!

...Лев, дорогой, чего это ты вдруг испугался Жириновского? По мне, так он чрезвычайно забавен. Его напрасно сравнивают с Гитлером, ничего подобного, он –

типично русское порождение и свободно укладывается в продолжателя исконных традиций – Разин, Пугачёв, Чернышевский, Ленин. Если он не добьется успехов, то лишь потому, что не был в Саратове, на Волге. Недавно у нас в гостях была Татьяна Корсакова, жена Вадима Рыбенкова (*Вадим тоже журналист, однокурсник Никитина и Ленчика – О.Н.*), она спецкор «Комсомолки», выпивали, болтали, в том числе о Жириновском. Потом она выдала сильную статью под названием «Жириновск», присвоив нашему городу новое название, потому что в Саратове тот получил максимальное количество голосов. Вторая, рядом, статья называлась «Гайдаровск» (*про Архангельск – О.Н.*) Весело живём! Если не приедешь в Саратов, то и в Жириновск не попадешь!

21 декабря 1994 г. (Никитин – Ленчику)

...Я свои «Царские забавы» закончил. В «Аргументах и фактах» с риском быть втянутым в судебный процесс за нарушение закона о пенсиях, – я ведь дал подписку о «невыезде» в печать, о том, что два года не буду заниматься творческой работой, – все-таки соблазнился опубликовать маленький кусочек. Я тебе его посылал: Горбачёв и царь Федор. Ну а издавать всю книгу боюсь. Надо подождать ещё восемь месяцев. Иначе, сказал мне адвокат, у которого я консультировался, собес подаст на меня в суд, и у меня отнимут пенсию, постановят ещё и вернуть те деньги, которые я давно проел.

С одной стороны, все-таки одолевает искушение подставиться под процесс – ведь ни одного писателя ещё не судили за то, что он держит перо в руках, не может не держать. Ситуация, по сути, парадоксальная, суд должен быть весьма скандальным и в какой-то мере даже позорным для властей. Тут следует ожидать большого шума в прессе, а значит, популярности автора и книги. Реклама – двигатель тиража! С другой стороны – все равно обдерут, как липку, поскольку закон все-таки нарушен. Письменно, мол, обещал не писать, денежки на бедность получал, а сам, гад такой, за это время целую книгу наката. Подсчитают: за шестнадцать месяцев ограбил государство на семьсот долларов! В долговую яму его, каналью!

Есть в моей ситуации и третья сторона – хорошая: не скандалить, а дать рукописи отлежаться. Потом перепечатать ещё разок, убрав всякое умничанье, выпренность, грубоватые наскоки, глупость, многословие (а напыхал я 400 страниц) и прочие вещи, за которые будет стыдно. В общем – думаю.

11 февраля 1996 г. (Никитин – Ленчику)

... Теперь на моём письменном столе лежит один только святой Павел. Перечитал черновые выписки и наброски и подумал: Господи, по силам ли моему скудоумию столь могучая фигура? Страшно. Но куда деваться? Ощущение – как при первом прыжке с парашютом... Мараю листы и выкидываю. Никак не могу подобрать тональность. Как подберу, всё пойдет более-менее гладко.

На «Царские забавы» мы продолжаем возлагать большие надежды – финансовые... Однако в деловом плане я оказался весьма нехитроумен. Прихожу в издательство и с некоторой даже гордостью выкладываю все карты: вот, дескать, ребята, в «Волге» печатают, в газетах тоже, в Америке (!) печатают даже, – это как карта козырная... Со мной, «американцем», тут же начинают вести себя так: ах, он по заграницам катается, его в Чикаго публикуют, да это ж, поди, миллионер! И заламывают бешеные цены! Думают, я Ваньку валяю... Не стану же я рассказывать, что жена обрезала шубу, чтобы залатать протертые до лысины места, что американская куртка на мне, самая приличная из всей моей одежды, дареная, а не купленная, что дочь стесняется пригласить в дом парня из-за неприглядного вида нашего санузла... Мы вам-то этого не говорили, потому что нищета – вещь стыдная, даже неприличная... В петлю этого издательства я не полез.

Потом забрезжила Москва. Ребята даже отправили заявку на мою книгу в Англию, назвали меня вторым Джеромом. Ведут разговор о тираже в 50 тысяч. Авось. И так,

забрести. Но жизнь в России от жизни во всех других государствах отличается тем, что на её горизонте всегда рассвет, только солнце почему-то всё не всходит и не всходит...

19 июля 1996 г. (Никитин – Ленчику)

Лева, ...дела мои топчутся на месте. Книгу пока не издал, поэтому ещё не разбогател. Но, чувствую, начну скоро конкурировать с Рокфеллером.

Когда мне позвонили из музея Чернышевского и предложили толкнуть речь на юбилее Кирилла и Мефодия, я решил было отказаться: ну разве я потяну против гладко- и умноречия профессоров-филологов? Но потом раздухарился, решив, что никто не догадается взглянуть на русский язык с высоты как бы птичьего полёта – язык, допустим, и политика. Ну и толкнул фюрерскую речь на публике. А потом она мне до того понравилась, что я предложил её газете «Известия». Лёвушка, жду булыжник в свой огород. Пуляй.

...Строчил ещё статьи. Одна знакомая дама, прочитавшая «Почему я продался ЦРУ», сказала: «Юра, зачем же ты так неосторожно пишешь? Ведь если победят коммунисты, тебя же первого к стенке поставят». – «А я рад, что имею право вот так вот озоровать теперь в политике, не боясь, что меня схватят за ахиллесову пята».

Кстати, получил приятную для себя информацию: рассказывали, что некоторые делали с моих газетных «Американских впечатлений» ксерокопии и передавали друг другу. Ольгины статьи тоже пользовались большой популярностью: в школах учителя биологии устраивали коллективные читки вслух. Теперь ее соблазняют сделать книгу по экологии.

12 августа 1996 г. (Ленчик – Никитину)

...Юра, получил письмецо от тебя с двумя замечательными статьями. Ты не представляешь, с каким удовольствием я их читал, в особенности, по части стиля. Чисто, живо, динамично. Очень присущая тебе легкость, но не в ущерб ясности мысли, с хорошей хваткой и оригинальным ощущением предмета. Чудесны оппозиция «свобода – воля», о принудительном лечении в Америке, о власти, которая нужна раз в 4 года, о языке, более дружелюбном, чем мы сами, и многое другое. Чувствую, что какая-то раскованность прорвалась в тебе. Правда, я тоже не стал бы пока дразнить гусей тем, что ты «продался ЦРУ». За коммунистов голосовала почти половина избирателей (!). Одно всего замечание: ты имел возможность зарисовку о языке закончить не его мудростью, которая поможет ему одолеть нашествие новых иностранных словечек, а своей. Ведь сам заявил, что он зеркало социальной среды. Отсталость русской жизни и технологий – вот откуда вся эта иностранная грязь. Своих словечек нету, а называть новые вещи как-то надо. Если Америка добавила твоей душе раскрепощения, широты, артистизма и независимости суждений (а кажется, что это так), то не унывай, сделаешь нечто такое, что будет вровень с открывшимся в тебе вторым дыханием. Дай-то Бог!

Что касается моих личных поползновений, то ничего радостного сообщить не могу. Написал ещё два рассказа, с которыми опять ни в какие массовые издания не сунешься. Где-то в потемках назревает новая большая вещь.

...Госка еще и оттого, что ваши «волговцы» воспринимают мои старания как переводы с английского (если это не оговорка). По натуре во мне больше русскости, чем в ста тысячах русских, вместе взятых, не считая, разумеется, шовинистической швали, которую не милую, даже если она в ермолках. Да, тяжело переживаю и активизацию еврейских ортодоксальных фанатиков, с пеной у рта рвущихся навязать стране древние ритуалы. Два дня потратил на длинное вежливое письмо Проханову (редактору газеты «Завтра»), но вряд ли отправлю. Победа Ельцина особенно не радует. Он уже способен лишь на то, чтобы растянуть состояние болота на долгие мучительные для вас всех годы...

23-27 сентября 1996 г. (Ленчик – Никитину)

Милые наши Никитины! Что-то чересчур тихо стало. Лист ещё зелен, и листва густа, но по-осеннему пасмурно и зябко...

Пару дней назад попался мне журнал «Таллинн», а в нём ваш Алексей Слаповский с «Вещим сном». Ясно, что захлебнулся. Не знаю, в каких ты с ним отношениях, если в сносных, поклонись ему от меня. Никогда не подозревал, что Саратов порадует когда-то таким свежим и ярким дарованием. В нём все замечательно: и выдумка, и слово. И конечно же, мысль. Где-то Шукшин (в картинах деревенских), но на порядок выше по универсальности и артистизму. Тоньше интонации, да, по-моему, и весь изобразительный ряд.

Пожалуйста, пришли мне всё, что у него вышло, если достанешь. И если можно, не затягивай. Дюже не терпится захватить его пошире, да и себя проверить. Неужто ошибаюсь? Дорого ещё и то, что у него нет никакого эпатирования. Ведь и Владимир Сорокин, и Буйда тоже очень талантливы. Но один – говноед, а другой – тяжеловат и мрачен для меня.

...Очень дорог мне был все годы Венедикт Ерофеев («Москва-Петушки»), а где-то с полгода назад появился у меня сборник «Оставьте мою душу в покое». Довольно часто эту книжонку мусолил (в ней записная книжка его с замечательными пометками), сопереживал, как обычно, высокой духовности, жертве и прочее. Но вот пару дней назад прошла злая трезвая мыслишка: сколько можно?!

Сколько можно вонючую душу свою поднимать над жизнью и выставлять ее напоказ в качестве духовного протеста! Ты посмотри в чём величие. «Я вышел из дому, прихватив с собой три пистолета, один пистолет я сунул за пазуху, второй – тоже за пазуху, третий – не помню куда. И выходя в переулок, сказал: «Разве это жизнь? Это колыхание струй и душевредительство». Опять же, литературный план совершенно гениален. Ну а за ним? Надо ли сопли распускать! Ты хибару сначала построй, хлеба в дом притащи, потрать свою вулканическую душу на что-то дельное, а потом уже выступай со своей поэтической (демонической) претензией к жизни. Думаю, в любой жизни – и в эпоху царей, и в эпоху коммунистов, и сейчас, помимо непролазности, есть ещё что-то. Но русский нетерпеливый нравственный гений всегда рвется в какое-то ах-ах, чтоб никакой слезинки ребёнка, чтоб ни-ни. И вот – рушит, а порушив, видит, что ещё хуже, но поздно, ничего не воротишь. И пошли-поехали в новый пляс, до нового душевредительства. Конечно, это не моя мысль – Бердяева, но всё время на нее натываюсь и бурлю бестолку. Силёнок нет, чтоб её в каком-то крепком сюжете прорычать. Может быть, такие ребята, как Слаповский, до неё доберутся.

Пару слов о себе. Решил выйти в люди – и поплёлся в разные клубы местных литераторов. Приняли хорошо. Успешно читал на одном из вечеров перед широкой публикой. Мои рассказы пошли по рукам как этакий чикагский самиздат. Собираются делать мне авторский вечер, от которого пока отбрыкиваюсь.

8 сентября 1997 г. (Никитин – Ленчику)

... Из ваших писем я сделал главный вывод: поездкой вы не разочарованы. Значит, соблазнял я вас не напрасно.

... Не писал же я вам по той причине, что сразу после вашего отъезда засел за пьесу «Санкт-Сарытау». Сочинялась она легко и весело, и закончил я её довольно быстро. Дал кое-кому почитать из лиц доверенных – смеются!.. Дал почитать двум актерам на предмет постановки на сцене, воображая, как публика валом повалит на мою комедию, а ты, Лёвушка, умрешь от зависти.

Первый актер сказал: нам театр новый начали строить, но если мы поставим твою пьесу, то его не построят никогда, извини! Второй: я бы с удовольствием сыграл роль губернатора, но меня примут за сумасшедшего, если я покажу её в театре. Один режиссёр продержал пьесу три недели и не сказал ни бе ни ме.

...Бронелобые чиновники восприняли её не как дружеский шарж, а как пасквиль, сатиру, как пьесу-фельетон. Даже Коля Яковлев не осмелился опубликовать последние два действия...

Лучшая способность умного человека – способность к самоиронии. Где такого найти? Одна толковая дама из чиновничьего аппарата посоветовала: постарайтесь попасть на приём к губернатору, если он скажет «да», то пьесу и напечатают, и поставят. Вот она – посткоммунистическая Россия: свобода! Демократия! Пиши, что вздумается, однако решает всё начальник.

Мне, собственно, терять нечего: сижу, сочиняю письмо губернатору, объясняя, что пьеса в общем-то, не о нём, а о «тотало-московском иге», под гнётом которого живёт российская провинция. Даю историческую справку о том, что-де цари и короли любили шутов и скоморохов, что Хрущёв любил слушать сочиненные про него анекдоты, что Ельцин снисходительно относился к зло пародирующим его «Куклам», что на Западе считают за честь быть высмеянными в каких-то ситуациях... что не обидеть цель моя, а добро поулыбаться, весело поиронизировать и тем прибавить пользы доброму имиджу губернатора. Более того, сам я управлять движением пьесы уже не в состоянии, т.к. один экземпляр украден в здании министерства культуры. А более того: о комедии прослышали в Волгограде и Нижнем Новгороде, попросили прислать им и, разумеется, я не захотел им отказывать. Однако если в этих городах, также претендующих на звание столицы Поволжья, комедия увидит свет раньше, чем в Саратове, то тогда непременно станет восприниматься как сатира, как насмешка над нашим городом.

Как сложится судьба «Санкт-Сарытау» – не представляю. Если так, как у «Царских забав», то на кой чёрт садиться за Павла?

После кражи я с испугу попросил набрать пиесу на компьютере, и теперь она у меня существует на дискете. Конечно, Гоголя переплюнуть, как ты просил, не удалось, но попытка сделана не совсем, надеюсь, бездарная. Читайте.

17 июля 1998 г. (Никитин – Ленчику)

... После выхода «Забав» я подарил своим героям по книге, все довольны, говорят: не так всё было, ты многое наврал, но всё равно смешно и интересно. Насмерть обиделся только Борис Дедюхин. Я сделал ему такую дарственную надпись: «Дорогой Борис Васильевич, не сердись на мои дружеские шаржи, я ведь писал их с большой любовью ко всей нашей охотничьей компании». Он вернул мне книгу по почте со своим автографом на первой странице: «Господин забавник! Возвращаю то, чем тебя пронесло... Если ты свою глумливость считаешь за юмор, то я думаю, что это подлость». Каково, а? Злобы-то, злобы-то сколько... Четверть века мы с ним ездили на охоту, спали вместе, ели из одной чашки, пили водку из одного стакана – и вдруг из-за отсутствия чувства юмора в нём вспыхнула национальная ненависть. Мне даже смеяться над ним не хочется, потому что это болезнь...

(Про эту болезнь написал Сергей Боровиков в журнале «Волга» №7-8 за 2018 г.: «Юрий Никитин, один из честнейших саратовских писателей. ...Лучшее он написал не в молодости и не в старости, а посередине, это повесть по воспоминаниям военного детства «Время возвращений». Здесь Никитин во всем выше самого себя. Мне стоило больших трудов убедить Палькина её опубликовать в «Волге». А что же ближайший друг автора по жизни и охоте зам. Палькина Дедюхин? Некрасиво повёл себя Борис Васильевич. Напиши Никитин повесть серенькую, средненькую, он несомненно встал бы на её защиту. А здесь была явная удача, такая, что самому БВ и не снилась. Он прямо не выступал против повести друга, а лишь кривился при её обсуждении. Приятель не должен был писать лучше, чем он». Юра этого не знал. – О.Н.)

В остальном всё хорошо. Презентация прошла весело, хотя профессура затянула несколько свои выступления. Но гуси-утки, шкуры-ружья, кряканье и стрельба из

пистолета среди музейной чопорности, повергая тамошних дам сначала в панику, а потом в хохот, водка и шампанское сработали на славу: «такой презентации у нас ещё не было!»
(...)

Книга пока популярна среди боссов и чиновников, в магазинах расходуется туго – у народа нет денег. Да и книготорговцы уж очень взвинтили цену – до 5 долларов. А дело моей чести вернуть до декабря фирме вложенные в издание деньги – это приблизительно 20 тысяч долларов. О прибыли уже не думаю. Богатеть, оказывается, ужасно трудно. Вот я сейчас и работаю на самого себя и грузчиком, и шофером (развожу книги по магазинам, махнул даже в Волгоград с 500 экз.), и менеджером, и бухгалтером, и рекламодателем...

28 сентября 1998 г. (Никитин – Ленчику)

...Книга моя расходуется плохо, – так говорят книгопродавцы, чтобы не отдавать денег. Никто никому старается не отдавать деньги, судиться нет смысла, поэтому прибегают к помощи киллеров и рэкета. В Москве на Московской книжной ярмарке интерес к книге был, но я взял с собой всего 12 штук. Половину продал, половину выпросили. Министерство печати будет представлять ее на Международной книжной ярмарке во Франкфурте. Фирма «Международная книга» тоже приобрела 50 экземпляров... Спрос-то есть, но у народа денег только на еду. О гонораре я уже не мечтаю... точнее-то мечтаю, однако надежд никаких, хотя реклама весьма обширная – что-то около 30 рецензий, интервью, телепередач и просто информации.

...Фирма, вложившая деньги в издание, занимается железками и, естественно, на меня свалились все дела по реализации, ну я вынужден крутиться и из чувства чести, и из благодарности за риск, на который фирма пошла.

2 апреля 2001 г. (Никитин – Ленчику)

...Лёва, за последние 10 лет у меня вышло четыре книги, на которых я не заработал ни гроша гонорара, если не считать литературной премии... Зато в плане духа я живу превосходно. Вот на 11 апреля получил приглашение выступать на республиканской научной конференции «Русский роман XX века: духовный мир и поэтика жанра». Я далёк от филологической науки с её «метаязыком анализа» и «структуральной терминологией», поэтому буду говорить, не надуваясь величием, о своём субъективном восприятии литературного творчества, о том, как у меня делается дело, рождаются идеи, выпекаются характеры и прочее...

В плане духа всё превосходно, пока не возникает план материи. Тут я начинаю чувствовать себя висельником на табуретке. Мой табурет – это Ольга, которая зарабатывает до 300 долларов в месяц, моя верёвка – это моя пенсия в 23 доллара 25 центов. Чтоб вам было понятнее, приведу кое-какие цены: за квартиру мы платим 14 долл., блок сигарет – 1,3, бак бензина – 10 долл., кг хорошего мяса – 3 долл., сейчас мне надо менять сдохший аккумулятор – это 35 долларов.

Государство поставило пенсионеров в чудовищные условия. На словах правительство вроде бы печётся о стариках, а на самом деле желает, чтобы они скорее передохли. Поэтому моё любимое государство – это моя жена, которая не только кормит-обуваает-одевает сочинителя, но ещё и любит его, которая устраивает мне выволочки не по поводу «иди, зарабатывай деньги», а по поводу – «сиди и пиши». Поэтому я над ней дышу! ... Охотничья добыча – мой единственный вклад в семейный бюджет. За зиму я привёз кабанятины долларов на сто... 14 января мне повезло самолично завалить огромную свинью: стоял на краю леса, загонщики выгнали стадо кабанов на поляну, они на махах понеслись ложочком, мне были видны только холки, ну и старый хрыч в унтах рванул наперерез (азарт сильнее страха) и метров с двадцати выстрелил – в шею, наповал. А 26 марта, перед моей презентацией, вернулся из степи с тремя гусями и уткой: тяжеловато, конечно, четверо суток среди голого горизонта – то ветер, то солнце, то

снежная пурга, по утрам и вечерам морозец, а сидишь-то в окопе, на дне которого то лёд, то грязная жижа.

Братцы, во все эти материальные пошлости я решил вас посвятить, чтоб вы не намечали конкретных сроков нашего приезда... Ты, Тигрицин, сказал, что во Флориде «ты увидишь настоящий рай». Соблазнительно побывать на экскурсии в раю, но возвращаться-то снова придётся в «ад», экономический, разумеется. Снова прибыть к вам иждивенцами – бессовестно. Вы и так на нас здорово раскошелились, показывая основную Америку, поэтому курортная пусть подождёт. Вот распродам «Забавы»... и тогда мы рванём к вам.

Декабрь 2009 г. (Никитин – Ленчику)

Лев, дорогой, можешь меня поздравить: спустя сорок три года у меня, наконец-то, опубликованы в «Волге» серапионы. Вот что значит волнообразная перманентная российская свобода слова: кого раньше можно было только хвалить, теперь матери сколько влезет. Потом пойдёт другая волна. Лафа! Серапионы – это, пожалуй, последняя моя публикация...

Один номер «Волги» надумал послать в музей Гофмана в Бамберге, это 200 км на юг от Берлина. Интересно, знают ли немецкие литературоведы, что Гофман ошибся, отнеся смерть Серапиона ко времени императора Деция? О серапионах петроградских они наверняка знают, а вот о санкт-петербургских 1839–1841 гг. вряд ли. А мне любопытно было бы узнать: это только на русской литературной почве такое обилие диссидентствующих серапионов, или где-то ещё есть? Почему-то ни один книжный червь не докапывался до того, что серапионство, как мировоззрение, объединяет всех не раболепствующих перед властью художников, независимо от того, в какое время и при какой политической системе они живут – диктатуре или демократии, монархии или развитом социализме...

(В архиве Никитина обнаружилась страница из книги В.А. Каверина «Вечерний день» с письмом писателя-серапиона Михаила Слонимского от 01.02.1966 г. В нем говорится: «Дорогой Веня, спасибо за книгу... Приятно, что в твоих рассказах о том времени всё точно, достоверно и в то же время лирично. Сейчас разные молодые люди пишут работы о Серапионах. Только я прочёл твою книгу, как появился один из таких диссертантов – Юрий Михайлович Никитин из Саратова. И разговор с ним я начал с того, что рекомендовал ему твою книгу. Кстати, сегодня 40-летие Серапионов, с чем и поздравляю...». Слонимский получил от Каверина книгу воспоминаний о молодых серапионах, которая называется «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...» – М.: Сов. пис., 1966. – Её-то он и рекомендовал диссертанту. – О.Н.)

Сопроводительное письмо на немецкий язык переведёт моя внучка Ксения. Она сейчас в Берлине заканчивает учёбу, шпыхает свободно. Я к ним в Питер еду в начале января, когда Елена с мужем и сыном вернутся из турпоездки. Она-то и уговорила меня приехать на консультацию по поводу зрения в Питер. Левый глаз ни черта не видит – сплошной туман... Завязать с сочинительством – запросто, а вот если с охотой придётся завязывать, то по этому поводу я могу только плакать и рыдать.

Главное событие – СГУ отмечал 100-летний юбилей. Меня пригласил Ванюков. Припарадился, пришёл. Народу всех выпусков – куча мала. Из наших были Люся Хижняк, Ольга Соколова, Милка Головина, Люся Негодина и я – единственный представитель мужского пола. На 99,99% лица незнакомые. Огромная аудитория в новом корпусе, сцена, ряды кресел амфитеатром, вечер вёл Прозоров. Всё было довольно скучно: поздравительная речь на 5 минут ректора, долгое вручение похвальных грамот всем преподавателям (из наших была только Мара Борисовна, а Евгения Павловна не была, приболела). ...Ещё что-то было, но совсем не запомнилось. Потом всех пригласили на фуршет, но я сачканул...

Тигрицин, с Новым годом тебя! И с никогда не забываемым днём рождения!
Желаем и тебе и Вале каждый день, просыпаясь по утрам, ощущать счастье жизни!